

АЛЕКСАНДР МИШУРА*

ОТВЕТЫ ДЛЯ ПАНЕЛЬНОЙ ДИСКУССИИ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-317-326.

Первым делом я, конечно, хочу поблагодарить коллег за внимание к моей работе. Мне было тревожно публиковать рассуждения о ПНП, тем более, делать их предметом для панельной дискуссии, поскольку я вовсе не считаю себя специалистом в области философии религии или богословия, а публикация этой работы вообще не состоялась бы без моральной поддержки участников воркшопа «Этика веры», прошедшего в Институте Философии РАН в сентябре 2018 года. Между тем, в числе моих критиков оказались очень уважаемые специалисты по философии религии, которые ориентируются в соответствующих областях несравнимо лучше меня. В этой связи я не могу не поблагодарить моих критиков за доброжелательность, мягкость и даже терпимость, с которой они отреагировали на мою работу.

Далее я кратко отвечу на некоторые их замечания, охватить все мне не позволяют установленные редакцией ограничения по объему.

ОТВЕТ С. Н. АСТАПОВУ

ТЕМА 1. ЯЗЫК АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И РАЗДВОЕНИЕ ГОРИЗОНТОВ

С. Н. Астапов справедливо указывает, что язык аналитической философии (АФ) неудачен для описания религиозного опыта. Это ставит передо мной следующий вопрос:

Вопрос 1. Зачем вообще использовать язык АФ при обсуждении ПНП?

Ответ. В начале стоит отметить, что моя статья не посвящена описанию религиозного *опыта*. Но если не описание опыта, то что? В чем цель? Заявленная цель — обосновать рациональность ПНП в рамках конкретной системы убеждений. Почему именно язык АФ? Адресатами моей работы на воркшопе «Этика веры» были специалисты по

*Мишура Александр Сергеевич, к. филос. н., преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), alex.mishura@gmail.com.

**© Мишура, А. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

АФ. Кроме того, я сам занимаюсь философией в традиции АФ¹. Однако эти обстоятельства дают только контекстуальное объяснение. Чем обосновать *оправданность* применения языка АФ?

Для ответа я предлагаю противопоставить АФ феноменологии. Допустим, кто-то выбирает феноменологический метод² для изучения ПНП. Что именно он будет описывать? Какие феномены? Какой опыт? Если речь идет об опыте конкретного феноменолога, то на каком основании он придает нормативную значимость своему опыту, когда речь идет об аскетической традиции, где точкой отсчета является опыт великих подвижников? Если он их не отождествляет, то что он описывает? Свой опыт понимания традиции? Я не думаю, что мой опыт здесь имеет ценность.

Как аналитический философ я работаю с пропозициями и убеждениями относительно этих пропозиций, выявляю связи между ними и показываю, как некоторый набор убеждений обосновывает конкретный моральный принцип. Таким образом, моя статья не дает описание опыта, но дает апологию принципа. Для этой цели язык АФ кажется вполне уместным.

Вопрос 2. Не приводит ли использование языка АФ к «раздвоению горизонтов» на моральный и мистико-религиозный?

Ответ. Я полагаю, что мысль о необходимом раздвоении горизонтов (этического и религиозного) при использовании языка АФ возникает из следующих допущений.

Допущение 1. Аналитическая философия не требует утверждения Бога в качестве источника морали, поэтому системы убеждений, в которых Бог полагается основанием морали, не могут быть переведены на язык аналитической философии без «двоения» на религиозное и моральное.

Я не думаю, что из плюрализма мнений по поводу источника морали в АФ следует, что сам язык АФ исключает утверждение Бога в качестве единственного источника морали. Ничто не мешает аналитическому философу стать сторонником так называемой *divine command theory*, которая утверждает, что единственным источником морали является воля Бога, или сторонником той или иной сотериологической морали, где главная цель — спасение. Просто этот выбор не будет обусловлен

¹С моей точки зрения, аналитическая философия представляет собой продолжение классической философии, а не какое-то самостоятельное явление, которое может быть понято вне традиции европейской философской мысли.

²Если допустить, что имеются некоторые общие для большинства феноменологов основы метода.

самим языком, а потребует аргументов. По той же причине проблемой не является переопределение понятий и разделение понятий (например, истина₁ — соответствие действительности, а истина₂ — Христос как Истина), это привычная для аналитического философа работа. По той же причине тезис о социальной обусловленности морали не является чем-то, с чем должен согласиться аналитический философ в силу особенностей языка АФ. Короче говоря, аналитический философ может определить «моральное» как ведущее к спасению и одним концептуальным шагом решить некоторые проблемы, на которые справедливо указывает С. Н. Астапов. Тут нет проблем с самим языком АФ, хотя, С. Н. Астапов прав, указывая на необходимость весьма детальной работы по уточнению смысла используемых понятий.

Допущение 2. Христианская мораль сам по себе обладает некоторой бинарностью, поэтому ее перевод на язык аналитической философии также приведет к некоторому раздвоению.

Во-первых, если это допущение справедливо, то раздвоение возникло бы не из-за языка АФ, а в силу самой природы христианской морали, ее предполагаемой бинарности. Тогда феноменологический метод привел бы к тому же результату. Во-вторых, я не могу всецело согласиться с утверждением о необходимой бинарности христианской морали, поскольку не вполне понимаю, как оно следует из вероучения православной церкви. Ведь кесарю полагается кесарево по указанию Бога и ради Бога, а не по неким автономным основаниям, и здесь, насколько я могу судить, С. Н. Астапов со мной согласен. В целом, «Никто не может служить двум господам» (Мф. 6:24).

ТЕМА 2. АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ ПРЕИМУЩЕСТВА ДРУГОГО ПРИНЦИПА ВАН ИНВАГЕНА

В ответе С. Н. Астапова также присутствует интересный аргумент в пользу преимущества другого принципа Ван Инвагена над ПНП. Суть этого аргумента, насколько я смог понять, состоит в следующем.

- (1) ПНП блокирует возможность рассмотрения части помыслов, которые могут привести агента к нравственным поступкам.
- (2) Агент использующий другой принцип Ван Инвагена сможет оценить эти помыслы и совершить хороший поступок.
- (3) Следовательно, агент, использующий другой принцип Ван Инвагена, совершит больше хороших поступков.
- (4) Следовательно, принцип Ван Инвагена имеет моральное преимущество.

Аргумент, насколько я понимаю его, не может работать без следующих допущений.

Допущение 3. Знакомство с информацией означает, что свидетельство не игнорируется, а оценивается.

Допущение 3 обосновывает то, что агент не может ознакомиться с содержанием некоторых помыслов, он должен игнорировать их, не зная, о чем собственно эти помыслы.

Допущение 4. Если некоторый принцип *A* позволяет совершить больше хороших поступков, чем принцип *B*, то принцип *A* имеет моральное преимущество над принципом *B* (для вывода от 3 к 4).

Возражение на аргумент.

Три возражения к Допущению 3. Во-первых, такое понимание слов «оценивать», «оценка», «знакомство», «знакомиться» не соответствует практике их употребления. Одно дело сказать, «*X* оценивает / оценил [истинность] информации *Y*», другое «*X* знаком с информацией *Y*». Условия истинности этих высказываний весьма отличны. Во-вторых, контролировать понимание пропозиционального содержания помысла просто невозможно. Если мы нечто мыслим, мы уже знакомы с пропозициональным содержанием мыслимого. В своей статье я также говорю, что ПНП позволяет отвергнуть помысел с порога *понимания*, т. е. поняв, но не втягиваясь в собеседование, т. е. оценку. В-третьих, грамматика глагола «игнорировать» подразумевает знание того, что игнорируется. Невозможно игнорировать пропозициональное содержание помысла, если ты его не знаешь. Таким образом, ПНП не препятствует пониманию пропозиционального содержания помысла, но препятствует процедуре оценки истинности этой пропозиции.

Возражение к посылке 1. Посылка 1 прямо исключается формулировкой ПНП. В ней указано требование достаточного основания считать, что помысел приведет к дурному поступку. Если у агента есть *достаточное* основание считать, что помысел приведет его к дурному поступку, этот помысел не может привести его к нравственному поступку.

Возражение к Допущению 4. В это допущение можно было бы добавить фразу «при прочих равных», но тогда оно не относилось бы к данному кейсу, поскольку ПНП позволяет избежать тех дурных поступков, к которым может подталкивать другой принцип Ван Инвагена. Если же не вносить этого добавления, мог бы возникнуть общий вопрос. Что лучше: сотворить как можно больше добра, или избежать как можно больше зла? Но, поскольку Посылка 1 не верна, этот вопрос не возникает: ПНП не блокирует помыслов, ведущих к добрым делам.

Соответственно, агент, пользующийся ПНП, при прочих равных совершит не меньше хорошего, чем агент, пользующийся другим принципом Ван Инвагена, но меньше дурного.

Хочу отметить, что при определенной концептуальной работе, первая посылка может быть переформулирована через принцип меньшего зла, тогда ПНП действительно потребует уточнения. В частности, такая работа была проделана С. М. Левиным, к ответу которого я обращусь в конце этой работы.

ОТВЕТ И. Г. ГАСПАРОВУ

ТЕМА 1. ФИДЕИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПНП

И. Г. Гаспаров указывает на то, что в рамках предложенной мной методологии базовые убеждения оказываются ничем не обоснованы. Здесь возникают два вопроса.

Вопрос 1. Как необоснованные убеждения могут что-то обосновывать?

Ответ. Базовые убеждения задают способы и принципы обоснования всякого другого убеждения. Отсюда следует, что вопрос относительно обоснованности каких-либо вообще убеждений невозможно осмысленно сформулировать без принятия базовых убеждений. В этом отношении было бы точнее назвать их не «необоснованные убеждения», а «убеждения, не предполагающие обоснования». Убеждения, не предполагающие обоснования, могут обосновывать убеждения, предполагающие обоснование.

Вопрос 2. Как мировоззрение, в основе которого лежат необоснованные убеждения, может быть оправданным или рациональным?

Ответ. В рамках предложенной методологии стандарты обоснования имманентны системам убеждений, нет какой-то метапозиции, метастандартов обоснования, которые можно применять к системам, в которых отличаются базовые убеждения. Там, где спор возможен, стороны должны выявить общие основания такого спора, тогда это будут системы убеждений с общим основанием, а различие будет касаться не-базовых убеждений.

В целом мне хотелось бы отметить, что заданная мной методологическая рамка скорее является инструментом для разделения двух тем: (1) обоснованность ПНП в рамках системы убеждений православного христианства; (2) обоснование абсолютной истинности православного христианства. Чтобы ограничить дискуссию темой 1 я ввел эту рамку,

в контексте других целей я мог бы не вводить ее и сосредоточиться на теме 2, просто это была бы совсем другая работа.

ТЕМА 2. РАЗЛИЧИЕНИЕ ДУХОВ

И. Г. Гаспаров совершенно справедливо указывает на наличествующее в христианстве критическое и рефлексивное отношение к природе помыслов. Христианин должен испытывать и проверять мысли, а не просто отбрасывать их с порога.

Вопрос. Нет ли необходимости дополнить ПНП учением о различении духов, учением о различении помыслов?

Ответ. Да, необходимо. Такой вывод согласуется и с формулировкой ПНП. В ней указано требование достаточных оснований считать, что помысел приведет ко злу. Но не сказано, что может быть таким достаточным основанием.

Здесь я должен обратить внимание на еще одно допущение, которое может препятствовать пониманию ПНП. Дело не обстоит так, что ПНП имеет предметом некоторые совершенно новые мысли, подобные которым раньше никогда не возникали в сознании агента, относительно которых у агента нет опыта. Будто эти совершенно новые мысли и стоит отбросить. Требование достаточных оснований косвенно указывает на обратное. Если человек знает, что некоторое убеждение приведет его ко злу, скорее всего, он уже сталкивался с тем, что подобное убеждение ведет его ко злу. Например, если алкоголик сталкивался с тем, что убеждение в наличии водки у соседа раз за разом ведет его к краже водки у соседа, ему не стоит оценивать свидетельства в пользу того, что у соседа опять есть водка, даже если она у него все-таки есть.

ПНП вполне допускает, что агент до применения ПНП уже произвел процедуры, дающие ему достаточное основание считать, что некоторое убеждение приведет его ко злу. Проблема в том, что знание о том, куда ведут мысли, никак не мешает этим мыслям «стучаться» в голову снова и снова. Здесь и может работать ПНП.

ТЕМА 3. СВИДЕТЕЛЬСТВА И ПОМЫСЛЫ

В заключение И. Г. Гаспаров указывает, что противопоставление ПНП другому принципу Ван Инвагена требует того, чтобы сами помыслы были свидетельствами в пользу убеждений.

Вопрос. Можно ли отождествлять помыслы и свидетельства?

Ответ. Вопрос касается различия интерналистского и экстерналистского истолкования свидетельств. Краткий ответ состоит в следующем:

ПНП предполагает, что для того, чтобы X был свидетельством в пользу P , для агента S необходимо, чтобы X был некоторым образом репрезентирован в сознании S посредством мысли Y . В рамках радикального интернализма Y вообще может быть отождествлен с X . Однако я не думаю, что принимать такой интернализм оправдано. Напротив, замечание И. Г. Гаспарова позволяет мне дополнить формулировку ПНП: для агента S может быть морально оправдано игнорировать мысли o свидетельствах (репрезентирующие свидетельства в пользу пропозиции в сознании), а также мысли, которые сами по себе являются свидетельствами в пользу P , а также любые мысли $o P$ вообще, если он знает, что убеждение, что P , приведет его к порочному поступку.

ОТВЕТ К. В. КАРПОВУ

К. В. Карпов, с одной стороны, облегчил возможность ответа разделением своей статьи на конкретные вопросы. С другой стороны, путь, посредством которого К. В. Карпов приходит к этим вопросам, вызывает необходимость не одного, а множества комментариев, которые могли бы обозначить места нашего с ним расхождения в понимании ПНП. Я ограничусь указанием не всех, но лишь самых значимых таких точек расхождения, опуская некоторые спорные моменты, которые этим точкам предшествуют.

Вопрос 1. К каким видам помыслов³ применим ПНП? Каковы критерии значимости ПНП?

Ответ. В формулировке принципа дан ответ на этот вопрос: ПНП применим ко всем помыслам, в отношении которых агент *имеет достаточные основания считать* (т. е. знает), что они приведут его к дурному поступку. Это обстоятельство также исключает проблемы с определением причин помыслов. Это, во-первых, не требуется, во-вторых, у помысла, который ведет ко злу, не может быть благой причины.

Если смысл вопроса про эпистемическую значимость: «Что позволяет узнать ПНП?», то ответ, — ничего. ПНП — это моральный принцип, что следует из его формулировки, включающей маркер «морально оправдано». Моральная значимость ПНП заключается в том, что он позволяет избегать дурных поступков.

³Стоит уточнить, что К. В. Карпов отождествляет помыслы с дурными помыслами, что не соответствует указанному мною в статье пониманию помыслов. Помыслы могут быть и благими.

Рассуждения К. В. Карпова о внушении бесов основаны на допущении, согласно которому ПНП препятствует сбору достаточных оснований в пользу того, что помысел ведет к дурному поступку, я уже прокомментировал это допущение выше в ответе И. Г. Гаспарову. Пример с другом предполагает, что единственный способ смены темы — прекращение разговора, я не могу согласиться с этим допущением, но действительно считаю, что ПНП препятствует разговорам, относительно которых человек *знает*, что они приведут к совершению им зла.

Вопрос 2. К. В. Карпов в разных местах формулирует два связанных вопроса, ответ на один из них ведет к ответу на второй.

Вопрос 2.1. Каков характер ПНП?

Ответ. ПНП представляет собой моральную норму / моральный принцип. Это следует из его формулировки.

Вопрос 2.1. Законно ли эпистемологически-прагматическим принципом (здесь ПНП от практики вновь становится принципом) опровергать эпистемологически-моральный?

Ответ. ПНП является моральным принципом. Далее, один принцип вообще не может опровергнуть другой принцип. Он может только противоречить ему. В данном случае один моральный принцип противоречит другому. В моей статье я постарался объяснить, почему предпочтение стоит отдать ПНП, а не другому принципу Ван Инвагена. Наконец, проведенное К. В. Карповым различие само по себе вызывает несколько вопросов. Во-первых, касательно понимания прагматического (кажется, что любой принцип для деятельности с конечной целью полагается К. В. Карповым прагматическим); во-вторых, противопоставления морального и прагматического в данном понимании (кажется, многие моральные принципы очевидно прагматические); в-третьих, касательно расширенного понимания доксатической практики (согласно предложенной формулировке доксатической практикой является почти любая деятельности, например, рыбалка); в-четвертых, касательно обсужденной выше эпистемологизации ПНП (ПНП не имеет целью познание). Я не могу обсудить эти вопросы детально, но их анализ приводит к обнаружению ложности проведенной дихотомии.

Вопрос 3. Не нуждается ли ПНП в дополнительном ограничении?

В качестве обоснования осмысленности этого вопроса К. В. Карпов приводит пример деятельности политика и сатаниста, в случае которых моральная оправданность ПНП становится сомнительной.

Ответ. ПНП уже ограничен конкретной системой убеждений, в которой я его обосновывал. Я не доказывал, что ПНП стоит применять

сатанистам или абстрактным гражданам в некоей политической системе. Поясню смысл этого вопроса на примере. Я говорю: «Христиане должны поступать хорошо, а хорошо, по их мнению, это любить ближних», а ответный вопрос таков: «Не стоит ли ограничить принцип „Поступай хорошо“, ведь сатанисты считают, что хорошо резать кошек?». Конечно, пример шуточный, но такова структура аргументации.

Вопрос 4. К. В. Карпов дал несколько формулировок «четвертого вопроса». Одна касается нарушения эпистемологических принципов, другая — интеллектуальных добродетелей⁴. Суть вопроса, насколько я понял, такова: не препятствует ли ПНП оценке аргументации оппонента, и, если да, не противоречит ли это добродетели, которая требует терпимо относиться к этой аргументации?

Ответ. Да, ПНП может препятствовать оценке аргументов и ведению критической дискуссии, если у человека есть *достаточные* основания считать, что их плодом будет дурное дело. Однако отсюда не следует, что ПНП препятствует ведению всякой критической дискуссии вообще. ПНП лишь призывает людей ответить на вопрос: готовы ли они к дискуссии, не повредит ли некий спор их духовному и моральному состоянию? Если есть *достаточные* основания считать, что такой вред будет иметь место, ПНП призывает отказаться от спора. Я думаю, что ошибку стоит искать в той теории, которая утверждает обратное.

Вопрос 5. Находится ли применение ПНП во власти познающего субъекта?

Я не уверен, что понял смысл данного вопроса, в частности, я не понял, почему ПНП должен работать подсознательно. В любом случае, его осмысленность обосновывается К. В. Карповым с помощью допущения о необходимости знать причину помысла для применения ПНП. Выше я уже писал, что это допущение ошибочно. Для применения ПНП важно только наличие достаточных оснований считать, что анализ свидетельств приведет ко злу, такие основания могут быть предоставлены личным опытом, учением церкви, советом более опытного лица. Также из формулировки ПНП следует, что его использование является сознательным, см. замечания про грамматику глагола «игнорировать» в ответе С. Н. Астапову. Наконец, ПНП как моральный принцип позволяет

⁴Про добродетели, принятые в европейской культуре, говорить трудно, т. к. в этом разговоре присутствует допущение о некоторой гомогенности европейской традиции, которое мне кажется сомнительным. Так, в европейской традиции есть и ультра-рационалистические направления, и ультра-иррационалистические. Очевидно, список добродетелей в этих направлениях будет весьма различен.

избегать зла, я не тематизирую его содержание в русле эпистемологии добродетелей, и не уверен, что понимаю полезность такого трансфера.

ОТВЕТ С. М. ЛЕВИНУ

Ответ Сергея Михайловича Левина ставит передо мной очень непростую задачу. Дело в том, что я почти во всем с ним согласен. Про что же писать? К счастью, С. М. Левин любезно согласился с тем, что в ответе ему я буду предельно краток.

Моя реплика касается уточнения ПНП, которое С. М. Левин предлагает. Это уточнение выглядит оправданным, однако для его дополнительного прояснения я бы также ввел в обсуждение принцип двойного эффекта (*double effect*). В случае, когда отказ от оценки свидетельств точно ведет к большему злу, целью агента при оценке свидетельств будет избежание большего зла, а зло, которое поразит его в процессе, будет нежеланным и ненамеренным побочным эффектом. Я бы вообще не квалифицировал этот эффект как намеренное действие. Так, в примере с рукоблудием страсть должна настолько владеть человеком, что он буквально не может ей сопротивляться, она действует вопреки его воле. Соответственно, я полагаю, что рукоблудие не будет в данном случае относиться к категории действий, за которые можно нести моральную ответственность.

Mishura, A. S. 2019. "Otvety dlya panel'noy diskussii [Panel Discussion Summary]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] III (3), 317–326.

ALEKSANDR MISHURA
PHD IN PHILOSOPHY; LECTURER,
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

PANEL DISCUSSION SUMMARY

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-317-326.